

УДК 821.512.142

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНА Х. АППАЕВА «ЧЕРНЫЙ СУНДУК»

Байрамукова С. К.

ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет им. А. Д. Алиева», г. Карачаевск, Россия (369200 Карачаево-Черкесская республика, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29), e-mail: sofia-bairamukova@yandex.ru

За свою долгую историю национальный роман эволюционировал содержательно и эстетически, но в то же время сохранил в своей структуре главные жанровые признаки: эпический охват жизни, художественное исследование бытия и образов людей, сюжетно-композиционную всеохватность, развернутость сюжета во времени и пространстве. Ни один другой жанр словесности не способен так полно охватить и выразить лик истории, судьбы людей, мировоззрение личности. В истории карачаевской литературы первым романом стал «Черный сундук» («Къара кюбюр») известного прозаика Х. Аппаева. Он дает достаточно большой материал, позволяющий решить ряд теоретических и практических вопросов о путях формирования романного повествования, в их числе – сюжетно-композиционное строение, способы создания образа, формы воплощения идеи, стилистические средства и язык повествования, документальные и художественные приемы и методы изложения. Материалом произведения стала жизнь горской бедноты до социалистической революции, задыхающейся под жестоким гнетом власти и насилия имущих классов. Анализируя роман «Черный сундук», автор приходит к выводу, что фольклор отражал мировидение бесписьменных народов, был частью истории, нравственным кодексом и художественным творчеством. Этот аспект широко отражен в прозаическом произведении карачаевского писателя Х. Аппаева.

Ключевые слова: Х. Аппаев, литературное произведение, роман, сюжет, традиции, фольклор, психологический портрет, символ, народные предания.

FOLK TRADITIONS IN THE HISTORICAL-REVOLUTIONARY NOVEL'S H. APPAEVA « THE BLACK TRUNK »

Bairamukova S.K.

Karachay-Cherkessian State University by A.D. Aliev, Karachaevsk, Russia (369200, Karachaevsk, Lenin street, 29), e-mail: sofia-bairamukova@yandex.ru

Over its long history the national novel has evolved substantially and aesthetically, but at the same time retained in its structure the main features of the genre: the epic scope of life, art and nature research of human being, plot – compositional inclusiveness, the evolution of the plot in time and space. No other genre of literature is able so fully to embrace and express the face of history, the fate of mankind and the philosophy of an individual. The first novel in the history karachai literature was «The Black Trunk» («Kara Kyubyur») by the well – known novelist Hasan Appaev. There is a fairly large amount of material which allows to solve a number of theoretical and practical questions about the ways of formation of the novel the plot and compositional structure, methods of image creation, forms of the embodiment of ideas, stylistic means of narration, exposition of the language and so on. H. Appaev describes the life of poor highlanders before the October socialist revolution choking under the yoke, tyranny and cruelty of ruling class. Analyzing the novel «Black Trunk», the author concludes that folklore reflected philosophy of life of illiterate highlanders, who hadn't their writing, it was the part of their history, their moral code and artistic creativity. This aspect is widely described in this prosaic work of karachayish writer H. Appaev.

Keywords: H. Appaev, literary work, novel, story, traditions, folklore, psychological portrait, symbol, folk legends.

Первые романы в новописьменных северокавказских литературах появились в 20-30-х годах и стали ведущим жанром письменной словесности, с которой связаны наиболее значительные идейно-эстетические достижения молодых литератур. В течение почти столетия этот жанр является самым востребованным читателями и неизменно привлекает к себе внимание критиков и литературоведов.

На начальном этапе развития литературы роман по преимуществу «опирается на фольклорные традиции типизации действительности и изображения персонажей – крупных, дерзких, смелых, отважных, – но вместе с тем уже начинает ориентироваться на опыт иноязычного реалистического романа ... в конкретно-историческом анализе жизни и создании характеров-типов» [5:25].

Сходной методологии придерживается и первый карачаевский романист Х. Аппаев в «Черном сундуке» (1935–1937). Название романа – это символ, заимствованный из фольклора. В карачаевской версии героического эпоса «Нарты» есть сказание, где говорится о том, что меч эмегена (циклопа – С.Б.), носителя враждебной народу силы, хранится в черном сундуке. В романе Х. Аппаева – хозяин черного сундука богач Кыямыт. Символика прозрачна и не требует пространных разъяснений: до Октябрьского переворота народ Карачая жил, словно в каменном сундуке.

Как и в других первых историко-революционных произведениях, конфликт романа «Черный сундук» – это противостояние народа и его угнетателей.

Бедный крестьянин Темурка – батрак богача Кыямыта. Его семья, как и все батрацкие семьи, живет в нищете. Если бы не помощь молодого сердобольного соседа-бедняка Канамата, жизнь семьи Темурки была бы еще более тяжелой.

В сюжет романа вводится и любовная сюжетная линия. Канамат и дочь Темурки Байдымат любят друг друга. Решают сыграть свадьбу, как только Темурка вернется в аул с гор, где он пасет стадо богача Кыямыта. Как раз в это время в аул приезжает пристав Апанас. Пристава и его свиту с подбострастием принимают богачи, что, кстати, не свойственно горцам. Приездом пристава решил воспользоваться «хозяин аула» Кыямыт в борьбе со строптивым Канаматом. Он оговаривает Канамата: мол, разбойник он и крамольник, враг царя, которому Кыямыт служит преданно. Приставу же приглянулась невеста Канамата Байдымат, и это становится дополнительным стимулом для жестокого преследования Канамата. Богач заманивает девушку к Апанасу. Об этом узнает Канамат, который, словно сказочный герой, врывается к приставу и освобождает суженую, успев ранить старшину аула Биймырзу и самого пристава Апанаса. Канамату после всего этого остается только одно: уйти в абреки. Эта сюжетная линия романа как бы списана с ситуаций, возникающих во многих произведениях устного народного творчества.

Пристав и богачи аула заключают Байдымат в тюрьму, чтобы выманить Канамата из леса и арестовать его. Однако Канамату и его друзьям удается освободить пленницу и увести ее в горы. Это – стартовая площадка сюжета, своеобразная экспозиция, в которой названы и охарактеризованы основные персонажи – бай Кыямыт, мулла Мухаммат-Амин, старшина

Биймырза, царские чиновники, Канамат, его друзья, члены семьи Темурки. Персонажи романа резко противопоставлены друг другу.

Дальнейшее движение сюжета – нарастание стихийного протеста, олицетворяемого образом Канамата. В связи с развитием событий появляются новые сюжетные линии, повествующие о жизни всего аула, стало быть, и всего этноса, ибо аул, в котором начинаются и разворачиваются события романа – это «слепок» судьбы этноса. Этому в значительной степени помогает нарисованная писателем широкая картина наступившего засушливого лета, грозящая тяжелыми бедами для всех бедняков. В аул приходят голод и болезни; скот от бескормицы гибнет, социальные язвы обостряются: Кандаур, сын Кыямыта, убивает батрака Хамида, потребовавшего отдать заработанный батрацким трудом скот. Убийство невинного становится той искрой, из которой может разгореться большое пламя.

Бедняки вынуждены отдавать даже малолетних детей в батраки, чтобы кое-как прокормиться. Так поступает и Темурка. Он отправляет сына Ибрагима в батраки, а сам идет работать на рудник, чтобы заработком спасти себя и семью от свалившихся бед и страданий.

Нетрудно понять, почему писатель отправляет своего героя на рудник, а, скажем не в батраки к русскому помещику, которых немало было в регионе. На руднике – рабочие, наиболее революционный класс общества. По замыслу романиста, Темурка здесь неизбежно должен встретиться с рабочим-революционером, который «просветит» эксплуатируемых. Так и случается. Как отмечает известный исследователь карачаевской литературы А. И. Караева: «В доме Темурки появляется рабочий с рудника – Семен, который разъясняет причины бесправия, тяжелой доли горской бедноты. Молодежь, слушая Семена, начинает понимать, кто виновник нищеты, гнета, лежащего на плечах родного народа. Общение с Семеном и с другими рабочими рудника помогает рождению у карачаевской бедноты чувства классовой солидарности тружеников, способствует преодолению националистических предрассудков, насаждаемых мусульманским духовенством» [3:129].

Дальше события в романе развиваются так. Властьимущие понимают, что надо всеми средствами предотвратить готовое вспыхнуть народное волнение. По их мнению, верное средство для этого – религия. Мулла Мухаммат-Амин придумывает хитрый план: найти шейха-чудотворца, который содеянными «чудесами» вернул бы народ к Аллаху, заповеди которого он начинает будто бы почитать. На пятничном намазе в мечети Мухаммат-Амин разглагольствует: «Народ у нас испортился. Из-за слабости веры у некоторых заржавели сердца, и они перестали слушать уважаемых, видных, умных людей аула. Вот поэтому Аллах гневается и губит наши посева и сенокосы. Много стало зарящихся на чужое добро» [1:27].

За словом – дело. Хитрый, расчетливый мулла отводит роль «шейха» отъявленному мошеннику и вору Кадыру, который исправно исполняет свои «обязанности». Когда народ вновь собрался на пятничный намаз, Кадыр натягивает на себя саван, изображая из себя призрак, и является на моление. Тут он творит многие «чудеса»; наконец, объявляет убийцу Кандаура шейхом-«доверенным» Бога на земле.

«Кульминация романа – организованное эфенди священное шествие, во время которого должно произойти «чудо»: новоиспеченный «шейх» Кандаур явится народу, совершить за время от утреннего до полуденного намаза путь до Мекки и к могиле пророка Магомета и обратно. С ним должна явиться душа пророка – в знак особого благоволения к аулу» [3:129]. Народ верит и не верит в творимые «шейхом» чудеса. Главное – они не могут остановить движение народа к свободе, несмотря на временные неудачи: ни арест борцов за социальную справедливость, ни полицейские репрессии не способны противостоять силе народной.

Детально проанализировав роман Х. Аппаева, исследователь А. И. Караева приходит к верному, на наш взгляд, выводу: «...Автор изобразил различные стадии и формы борьбы карачаевского народа за освобождение – от стихийного протеста одиночек до первых организованных выступлений» [3:130-131]. Это справедливо, и оно связано с основной сюжетной линией романа – борьбой двух враждебных друг другу социальных групп населения.

Х. Аппаев пытается выстроить сложную сюжетно-композиционную структуру. В романе появляется ряд параллельных главных сюжетных линий. Однако, к сожалению, все эти линии не состыковываются в единое целое, организующее идейно-эстетическое единство. Не всегда сплавлены с ходом сюжетного развития и вставные новеллы, которых немало в романе. Все это не прошло мимо внимания критики. Так, например, А. И. Караева, изучая сюжетно-композиционную структуру «Черного сундука», указывает: «Для романа характерно обилие остро драматических и романтических ситуаций, многие из которых носят авантюрно-приключенческий, а иногда и сказочный характер. Все это, так или иначе, связано с фольклорной традицией, чрезмерная приверженность к которой порою мешает реалистическому отражению действительности» [3:131].

При всех отмеченных недостатках романа он содержит немало и достоинств. Так, например, писатель, характеризуя того или иного героя, старается использовать многообразные изобразительные и выразительные средства. Порою предметы быта становятся средством характеристики персонажа. Вот интерьер дома Кыямыта: «Бархатные ковры, волчьи и беличьи шубы, длинные полки уставлены фарфоровой посудой. ... Русские чиновные гости не могут оторвать взгляда от противоположной стены. И в самом деле, чего только там нет: различной формы кинжалы с позолоченными рукоятками, серебром и

золотом инкрустированные сабли, старинные горские ружья, роги для пороха. На другой стене – парчовые платья, золоченые тюйме и кямары, украшенные галунами и золотым шитьем кафтаны. Над изголовьем кровати ... портрет царя Николая, завешенный с боков шелковым шарфом» [1:132]. Как нетрудно заметить, здесь предметы быта «говорящие». Особенно выразительна и многоговоряща одна деталь – портрет царя, оформленный как икона.

Реалистический психологический портрет еще недоступен Х. Аппаеву. Он, рисуя облик персонажа, ограничивается, как и в фольклоре, оценочными эпитетами, как, впрочем, и все первые национальные романисты. В этом случае бытовая обстановка призвана дать представление о социальном статусе героя, его характере, наклонностях и т.д. Это, так сказать, косвенная характеристика персонажа.

Наряду с предметами, окружающими персонаж, Х. Аппаев для характеристики того или иного действующего лица, использует внутренний монолог и прямую речь. Это творческое достижение писателя, активно усваивающего опыт русской литературы. Для иллюстрации сказанного приведем пространную речь Кыямыта, произнесенную в кругу единомышленников – эфенди Каншаубия, старшины Биймурзы: «Аллах, если захочет дать, так дает сполна, обеими полными горстями. Не влезь этот слюнтяй Биймырза – и медаль одному из нас досталась бы, и сына моего Апанас возле себя пристроил бы на какую-нибудь должность. Эх, не догадался я сам вчера перед уходом спросить Апанаса, чем могу услужить. ... Пусть даже не арестует Канамата. Все равно, как узнает о случившемся, сердце у него разорвется, а не узнает – так женится на девице, доставшейся прежде старику, и станут дни его чернее ночи от позора. ... Как ни верти, с какой стороны ни посмотри, – все мне на пользу. Потому, видно, и сказано: счастливому счастье арбой валит, а у несчастного даже добро в руки ему плывет, – кровь из носу льет. Мое счастье мне арбой валит, а у этого голодранца Канамата с моей помощью кровь из носу побежит...» [1:133]. Вот, как рассуждает богач, задумав погубить Канамата.

Помимо внутреннего монолога и прямой речи, Х. Аппаев использует и такие художественные средства, как взаимная характеристика персонажей, авторское изложение событий и их оценка; при создании образов представителей духовенства широко привлекает повествовательные традиции народных антиклерикальных сказок.

Более реалистичен Х. Аппаев в характеристике персонажей из народа (в сравнении с «эксплуататорами», поданными фольклорно-гиперболично, негативно, особенно когда речь идет о нравственности). Чтобы показать это, остановимся на некоторых образах.

Канамат, в образе которого писатель воплощает народное представление о герое и героике, о прекрасном и добром, выписан в стиле народных песен о благородных

разбойниках. «Видно, лицом он походил на мать, – читаем мы в романе. – Бедно одет, но на тоях, в состязаниях, в играх глаза всех присутствующих с невольным восхищением останавливались на нем. Лоб снежной белизны, длинные, тонкие, словно пером прочерченные, темные брови, немного грустные черные глаза, волевой подбородок, чуть выдвинутый вперед, усы и бородка, мягкие, как пух вороненка» [1:139]. Внешний облик (это еще не портрет) Канамата как бы «срисован» со сказочного героя, выражающего идеалы народа, но срисован, так сказать, в авторской индивидуальной транскрипции.

Канамат, так колоритно поданный автором, смел, отважен, честен, трудолюбив, но беден. Писатель подробно и весьма внимательно воссоздает картины тяжелой жизни своего героя, обстоятельства, сформировавшие его характер.

Х. Аппаев свидетельствует: «Несмотря на то, что он вырос в тяжелых условиях, можно смело сказать, что едва ли найдешь такого мягкосердечного, чистого помыслами человека, как КанаMAT. Увидев беззащитного в горе или в обиде, он никогда не пройдет мимо, чтобы не помочь ему. Без его участия на кошу не предпринимают ни одного дела, всем он готов помочь, обо всех готов позаботиться, особенно о стариках и детях» [1:139].

Мысль писателя пока выражается (или выражается не в полной мере) в художественных образах, а передается публицистическими средствами. Другими словами, писатель не овладел еще искусством изображения жизни и человека в живых образах, как того требует зрелая литературная традиция.

Во многих своих поступках КанаMAT похож на народных заступников-абреков.

Канамат умен, поэтичен. Вот он и БайдыMAT бегут в горы. Их застает затмение луны. По мифологии карачаевцев, луну заглатывает семиголовое чудовище Джелимауз, когда засыпают псы, которые сторожат луну. БайдыMAT верит в миф и сожалеет, что не может разбудить псов ударами по медному тазу, которого у нее, естественно, нет. КанаMAT же сомневается в древнем мифе. Отстаивая свою правоту, КанаMAT говорит страстно, поэтично, образно. Он как символу самой вечности клянется Эльбусу: «Твоей высотой, туманами, опустившимися на твои вершины, вечными льдами, сковавшими тебя, ледниками, над которыми птица не пролетит, слезами сирот, бородами старцев клянусь, что за эти насилия я отомщу» [1:149].

В разных обстоятельствах язык Канамата меняется. Говоря о своей жизни в изгнании, он прибегает к народной образной речи: «Какие могут быть у меня новости: ночью волком, днем собакой брожу. Кыямыт расставил своих ищеек, расставил ловушки, где только может ступить нога человека; я же, наталкиваясь на ищеек, огрызаюсь, обхожу места, где ловушки. Вот так и живу» [1:149].

Канамат сталкивается с множеством людей. С одними сотрудничает, с другими – конфликтует, с третьими – борется. Образы многих из них выписаны колоритно, других – бледно, невыразительно.

Таким образом, автор первого карачаевского романа Х. Аппаев типологически близок ко многим писателям в молодых национальных литературах и использует формы фольклорных традиций.

Список литературы

1. Аппаев Х. «Черный сундук» («Къара кюбюр»). – Черкесск, 1958. – 271 с.
2. Бекизова Л.А. От богатырского эпоса к роману: национальные традиции и развитие повествовательных жанров адыгских литератур. – Черкесск, 1974. – 288 с.
3. Караева А.И. Очерк истории карачаевской литературы. – М., 1966. – 320 с.
4. Налоев З.М. На стыке фольклора и литературы // Развитие традиций в кабардинской и балкарской литературах. – Нальчик, 1980. – С. 38-51.
5. Тугов В.Б. Абазинский роман (фольклорная предыстория, генезис, поэтика) // Труды (Карачаево-Черкесского НИИ экономики, истории, языка и литературы). – Вып. 7. – Серия филологическая. – Черкесск, 1973. – С. 5-57.

Рецензенты:

Чанкаева Т.А., д.фил.н., профессор кафедры литературы и журналистики ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева», г. Карачаевск;
Джаубаева Ф.И., д.фил.н., профессор кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева», г. Карачаевск.